

## РЕЦЕНЗИИ

**Пётр Червинский. *Язык советской действительности: Семантика позитива в обозначении лиц.* — Тернополь: Крок, 2012. — 328 с.**

Уже в количестве разделов и подразделов рецензируемой монографии ощутима сложность навигационного маршрута, который предлагается пройти читателю, проявившему интерес к языку советской действительности в очень показательном её аспекте — системно-парадигматическом устройстве матрицы номинаций, использующихся для положительной характеристики человека. Закономерности формирования такой матрицы автор связывает с особенностями мировоззрения и языкового сознания носителей русского языка советского времени. Есть все основания усмотреть «свой» путь исследователя эпохи, которая, завершившись хронологически, не стала анахронизмом, поскольку сформированные тем временем значения и смыслы продолжают присутствовать в новом социально-культурном контексте, в сознании, оценках и представлениях носителей языка другой эпохи. Вот как об этом говорит автор: «Язык этот не прекращает своего существования вместе с изменившимся временем, как, скажем, то, что определяют понятием языка советской эпохи. Язык советской действительности, вызванный к жизни этой действительностью, условиями и ментальностью, ею порождёнными, способен меняться, переходя во что-то другое, под действием новых условий, устраняя признаки, делавшие их советскими, но каким-то всё тем же советским, не осознаваемым, образом оставаясь самим собой» (с. 150). Это язык, способный длиться и существовать вне советского времени. Но для того, чтобы понять, что и каким образом «способно длиться», нужно знать, что и как было.

Важен персональный хронотоп автора монографии: до 2000 года — профессор Ростовского университета (Россия), а затем профессор, заведующий кафедрой русского языка Силезского университета (Польша). Этот биографический факт обеспечил благоприятный исследовательский синтез — взгляд изнутри и, по прошествии времени, со стороны. История распорядилась так, что старшее поколение учёных, оказавшись на перекрёстке эпох, по-своему опровергло ставший расхожим афоризм: не дай Бог жить в эпоху перемен, поскольку именно такая «переменная» эпоха естественным образом увеличила поле обзора и уровень понимания социально-языковых проблем.

Итак, предмет исследования в рецензируемой монографии — язык советской действительности. Цель исследования — показать, что это особый язык, задачей которого было создание *желаемого* образа действительности. Действительным для сознания (в том числе для языкового сознания) должно было стать то, что полагалось необходимым

для утверждения господствующей идеологии. Отношения в триаде «действительность — общество — человек» последовательно и целенаправленно пропускались через фильтры регулируемых и контролируемых идей.

В основе механизма формирования человека, действительности и языка лежит, по мнению автора, *принцип генеративного каузатива* (с. 8). Концептуально-генеративная основа делает необходимым видеть в объекте не только социотемпоральную, но и экзистенциальную константу. Каузативность определяется в качестве исходной категории, вмещающей желательное и императивное, внешнее и внутреннее. Можно говорить о советской действительности как таковой и о советском *представлении* действительности. Исследователь называет три проявления советскости: советскость реальной советской действительности («совковая советскость»), советскость идейно советского воображения о ней («вымороченная советскость») и советскость её языка. Действительность, таким образом, квалифицируется как отражённое в языке и текстах общественное и личное существование.

В рецензируемой монографии чётко обозначен новый вектор интерпретации материала: автор ушёл от простого сбора советизмов — узнаваемых, отмеченных временем, лексических, фразеологических, клишированных языковых единиц и представил советского человека как ментально-речевого носителя понимания и восприятия действительности, которая проявляется в приёмах оформления значений, способах речевого воздействия и в разного рода идеологически заряженных манифестациях. Разделением понятий «русский язык советского времени» и «язык советской действительности» П. Червинский обозначил важный дифференцирующий параметр, определяющий направления интерпретации языковых явлений и фактов: «Русский язык советского времени так напрямую не связан с носителями, как язык советской действительности, в отношении их какого-то определённого, в том числе и ментального, плана» (с. 22).

Методология исследования основывается на принципе антропоцентризма и понятии советской языковой картины мира. Советский контекст совместного существования требовал внедрения общих мировоззренческих, социальных, психологических знаний. Важность человеческого измерения в языке вряд ли можно оспорить даже применительно к эпохам, когда человек мог получать в зависимости от обстоятельств характеристику «винтик» одновременно (или разновременно) с характеристикой «героический участник».

Автор монографии восстанавливает советскую языковую картину мира, заполняя матрицу обозначения лиц с семантикой позитива. Акцентируется и подтверждается большим эмпирическим материалом мысль о том, что язык социально-идеологической общности имеет *продуцирующий характер*: с помощью текстов и ритуалов вводятся

сообщения извне, которые далее развиваются, пополняются и, внедряясь в сознание, становятся средством установления особого отношения к действительности.

Советское отношение к действительности отражается в языке. В монографии приведено множество примеров «советских слов» — слов советской действительности, семантика которых непосредственно связана с советской ментальностью и является составляющей советской картины мира. Носителем позитива человека в языковом воплощении является объёмный ряд номинаций: *лётчик, энтузиаст, общественник, коллективист, патриот, интернационалист, гвардеец, большевик, богатырь, герой, орёл, сокол, преобразователь, рыцарь, хозяин* и мн.др. Исследователь тщательно и многосторонне характеризует каждое слово советской действительности, эксплицирует семантические показатели («кванты смысла») с тем, чтобы описать предметно-понятийную область языка советской действительности «как систему и как процедуру в их порождающем и объясняющем проявлении» (с. 39). Так, лексема *стахановец* анализируется как слово языка пропаганды с таким набором признаков: передовой рабочий-ударник, который трудится самоотверженно и бескорыстно с превышением существующих производственных норм во имя общего блага, способствуя тем самым укреплению советского строя. Особенно важно то, что он является примером для подражания. Сравнение с дефинициями толковых словарей советского времени даёт представление о постепенном целенаправленном формировании пропагандистского значения слова. В итоге толкование приобретает характер обобщённого позитивного опыта. Идея советского позитива (*стахановец* — человек, много и плодотворно работающий) «продлевает» жизнь слова, приспособлявая его к оценочному контексту постсоветской современности.

«Продуцирующее намерение» в представлении советской действительности выявляется в поощряемо-положительных обозначениях советского человека, в которые закладывается воздействующий, воспитательно-дидактический смысл. Носителями такого смысла могут быть как лексические и фразеологические непосредственно наблюдаемые единицы, так и «речевые контексты, синтаксические конструкции, ситуативные отнесения, пресуппозиции, схемы строения текста, то есть всё то, что можно было бы определить как генеративно-перцептивную базу языка советской действительности» (с. 51—52).

«Просто человеческий позитив» и «советский позитив», по мнению П. Червинского, — существенно различаемые вещи. Есть свой ключ, обеспечивающий вход в систему советского позитива, — это «воплощаемая в человеке-лице идея множасьегося, распространяющьегося, заряжающьего других и заряжаемого от других, когерентно-интерферирующьего участия» (с. 53), то есть участия в процессе создания необходимого представления желаемой

действительности. Человек, втянутый в общий процесс созидания советской действительности, предстаёт в четырёх проявлениях: в роли действующего лица системы, идентифицируемого по признаку позитива; в роли деятеля, исполнителя определённого рода действий; в роли носителя важного, необходимого, с точки зрения системы, признака; в роли представителя группы (объединения, совокупности, множества), входящей в общее социальное поле. Названные ролевые проявления: действительность, деятель, обладатель и представитель — автор кладёт в основу матричного представления позитивных значений, фиксирующих место светского человека в советской системе.

Предлагается ряд методик выявления маркеров пропагандистского языка советской действительности, проявленных в словарных дефинициях, в парадигматических и синтагматических связях слова. Описание этапов формирования семантики слова (30-е — 40-е годы, 70-е — 80-е годы, отчасти постсоветское время) можно оценить как значимое лексикографическое действие автора, позволяющее наглядно представить эволюцию отношений между языком и обществом. В монографии представлено и подвергнуто тщательному анализу множество ролевых действий советского человека. Назовём только некоторые классифицирующие позиции.

**Наделённость / отмеченность** — характеристика, предполагающая признак, приписываемый лицу и отделяющий его от других. Этот признак может быть внутренне свойственным (кумулятивным) или придаваемым извне (аддитивным). Сравнение лексем *герой*, *боец* (по характеру), *энтузиаст*, *общественник* (по призванию), с одной стороны, и *светило*, *светоч*, *маяк*, *гигант* (науки, мысли, труда), с другой, позволяют увидеть отличия кумулятивности от аддитивности.

**Принадлежность / нужность** приписывается лицу как имманентное или придаваемое свойство на основе отнесённости к общности, к определённой его группе, общественно значимому коллективу: *красноармеец*, *интербригадовец*, *известинец*, *краснопутловец* (принадлежность), *плановик*, *кадровик*, *агроном*, *председатель* (нужность). Отнесённость к общественно значимому коллективу («общественная нужность») становится основанием для положительно-одобрительной характеристики человека.

**Причастность / поставленность** определяет лицо в его отношении к деятельности в системе: *авроровец*, *целинник*, *бамовец* (осуществление задач внутреннего характера), *агроуполномоченный*, *двадцатипятидесятничник*, *инструктор*, *группкомсорг* (реализация идейных и политических задач). На этих основаниях лицо определяется как проектив — проекция отношения к общим целям и задачам.

**Действующий / организуемый** — фиксация в слове способности к действию в желаемом для системы направлении: *боец*, *борец*, *защитник*, *страж* (оценка активной общественно-политической

деятельности), *юнармеец, пионер, комсомолец, коммунист, колхозник* (участие в действиях, определяющих отношение к системе).

Каждая из дихотомических позиций в дальнейшем изложении уточняется через расширение круга признаков, образующих «мотивационную сферу обладателя как потенциального действующего, способного, когда будет надо и если потребуется, в должном и нужном, направленном и направляемом, отношении, ради целей, во имя системы, себя проявить» (с. 64). В итоге классификации приобретают фасеточный характер, и слово попадает в несколько классов на основе тщательного структурирования семантики (нередко с добавлением и словообразовательных признаков) с опорой на социальный контекст.

Многочисленные иллюстрации, уточнения и объяснения сопровождают выстраивание мозаики языка советской действительности, советского словоупотребления как особой функциональной сферы, особого речевого узуса. Советский человек в этой сфере — это тот, кто не просто участвует (или пока ещё не участвует, но вынужден будет участвовать) в общественной жизни, а тот, кто испытывает призвание к подобного рода деятельности, способен к ней по внутренним качествам; это человек, который заботится не о своём благополучии, а о благополучии всего общества, в том числе общества будущего.

Предметом представления объёмной парадигматической системы языка советской действительности являются не столько слова как таковые, сколько признаки именно советского словоупотребления, для которого характерны свои контексты и клише, отображающие семантический код советского представления действительности. Слова, входящие в советскую парадигматическую систему, имеют многовалентное устройство, включающее как реализованный в вербальной семантике код советского человека, так и потенциальный смысловой резерв (возможное, предполагаемое значение, обусловленное соответствующим контекстом). «Валентное движение» обнаруживают номинации: *фронтовик, блокадник, сталинградец, чернобылец, афганец, льготник, гвардеец (гвардеец пятилетки, молодая гвардия страны), богатырь (богатырь революции, пятилетки, труда), орёл* (красные орлы), *сокол* (сталинские соколы), *рыцарь* (рыцарь революции), *хозяин* (молодые хозяева страны), *гигант* (науки, мысли, труда), *сын* (*рабочего класса, страны Советов*), *отец* (*отец народов*), за каждой из которых закреплено представление о человеке как носителе драматичного пережитого и переживаемого «советского опыта». «Единицы и формульные их сочетания могут быть как явными, так и неявными, осознаваемыми, полусознаваемыми и не осознаваемыми, как категориальные ориентиры системной парадигматики. Смыслом работы было вывести и показать в общем действии то и другое и третье на примере обозначения лиц советского позитива» (с. 309).

В основу многочисленных классификаций положен рекурсивный принцип — принцип трансмиссии: один показатель коррелирует с другим, через посредство другого с третьим, с четвёртым и т.д.

Складывается системная иерархичность признаков слова, которую автор, действуя по принципу воронки (от множества фактов к их объединению в группы), представляет в облегчающих понимание выводного знания схемах.

Обилие интерпретируемых лексем, неоднократное обращение к номинациям позитива с новых позиций делает, как нам кажется, необходимым составление словника проанализированных слов, возможно, с указанием страницы (страниц), на которой произведён анализ слова.

Семантика слов и словосочетаний или их употребление связаны с советизированным смыслом. Слова с семантикой позитива погружаются в «контекст окружения», для которого характерно представление о советском государстве как организованной и направляемой массы трудящихся, сходным образом мыслящих, то есть морально и ценностно устремлённых к одной цели. Человек, действительность и язык — такова «троичная императивность» (с. 306) феномена «язык советской действительности».

Результаты проведённого исследования дают возможность соотнести языковую парадигму с ментальной, мировоззренческой, аксиологической, то есть эксплицировать смысловой код языка советской действительности. Советская действительность последовательно связывает мировоззрение и семантику. Становится понятным (что важно и для последующих поколений и историографов), что представляла собой воспитывающая человека среда с признаками советскости, в каком направлении шло формирование сознания масс.

Описать языковую единицу в таком виде, в каком она присутствует в сознании носителей языка, вряд ли возможно, и, по мнению психологов и психолингвистов (А.А. Леонтьев, А.А. Залевская и др.), выражение «языковое сознание» нельзя признать удачным. В то же время ментальное существование личности включает *образы сознания*, овеществлённые в слове. Анализируемый труд дал модель сознания советского человека, «овнешнённую» (выведенную во внешний мир) с помощью языка.

Время меняет отношение к прошлому. Советская система перестала действовать, и физических носителей целостного (и ценностного) советского представления о мире становится всё меньше. Но это не означает, что исчез феномен, который можно назвать «поколенческой семантикой», носителями которой являются люди, основывающие жизненные ценности на вербальном и невербальном опыте прошлого, и в этом случае модель «там и тогда» не переходит в анахронизм, а занимает пространство «здесь и сейчас». Отсюда реакция не только на другую, современную, действительность, но и отношение к номинациям, появившимся в этой новой действительности. Отсутствие контекста совместного существования не мешает сохранению в структуре ряда слов социальной семантики советского образца для

людей, стремящихся сохранить прошлое в настоящем. В этом случае мы имеем дело с когнитивной ригидностью — неготовностью к построению новой концептуальной картины окружающего мира при получении дополнительной информации, которая противоречит старой картине мира.

Рецензент по определению не может превысить знания автора, его задача — понять изложенное и, по возможности коротко представив понятое, привлечь внимание тех, кого интересует обозначенная в названии монографии проблема. Наш интерес связан с дискурсивной обусловленностью применения советизмов в постсоветскую эпоху. Изменился образ триады «действительность — общество — человек», и семантические факторы делают очевидную уступку структурно-функциональным и функционально-стилистическим. Взаимодействие лексики советского времени и новой (заимствованной или возвращённой архаической) нередко лежит в основе новых дискурсивных практик и новых текстовых форматов, большая часть которых сохраняет стилистический приоритет за иронией. В советское время ирония могла иметь место только в диссидентских текстах, во всех остальных случаях (и примеры, включённые в рецензируемую монографию, об этом свидетельствуют) этот приём не идеологизированного мышления не мог найти применения, а точнее — был просто опасен. В функционировании заложены потенции изменений семантики, то есть прокладывается путь от одной эпохи к другой, от серьёзного и пафосного к ироническому. Монографию П. Червинского, в которой семантика позитива в обозначении лиц в советской действительности интерпретируется в связи с когнитивными факторами целеполагания, адаптации, поддержания образца, можно оценить как добротный исходный материал для описания дискурсов с другим целеполаганием, интеграцией и образцами.

Что и в каком семантическом качестве осталось от советского времени в новом дискурсивном поле — предмет особого интереса и особых целенаправленных исследовательских действий. Но даже минимальное прикосновение к этой проблеме говорит о многом. Так, советизм *маяк* (о ком-либо или о чём-либо, выступающем в роли указателя пути к чему-то значимому, высокому) остался в прошлом, современные тексты фиксируют только прямое значение слова — особого устройства фонарь для освещения; частота использования слова для называния производств, организаций свидетельствует, скорее, об амбивалентности (совмещённости) прямого и переносного значений, что характерно для слов тематической группы «свет, огонь». Советизм *общественник* не выходит за пределы текстов о советском времени и советском человеке (словосочетания *активный общественник*, *опытный общественник*). Советизм *страж* (защитник советского строя и советской идеологии) перешел либо в исторические тексты, либо употребляется для иронического называния представителей охранной службы. Своеобразна судьба советизма *стахановец*: с расшифровкой

«передовик производства» слово используется только в художественном нарративе о советском времени; а вот «осколки» сюжета о Стаханове можно встретить в разговорной речи в форме *даёшь стране угля; пахал, как Стаханов; выискался стахановец* и под. (см. материалы Национального онлайн-корпуса русских текстов нового времени; электронный адрес: URL <http://ruscorpora.ru>).

Семантика позитива в обозначении лиц в новых условиях может перейти в свою противоположность, и признаки советскости чаще всего получают неприязненную, осуждающую и ироническую оценку. Но, чтобы понять такого рода метаморфозы, увидеть смену текста под влиянием нового контекста, важно знать, как что и как было в условиях, когда советскость имела целостный позитивный смысл — причастность к советской системе. Такому пониманию, безусловно, способствует исследование П. Червинского, научный труд которого полностью подтверждает тезис: взгляд назад — стимул для движения вперёд.

*Проф. Л.Н. Синельникова*